

М.И. Леонов*

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ И ЗАВОЛЖЬЕ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.**

России, патерналистской монархии традиционного типа, отношения власти – общества выстраивались по типу большой семьи. Существенными моментами этих отношений было восприятие власти как сакрального и попечение власти обо всем населении. Это обстоятельство определяло как устойчивость политической структуры, так и эвентуальность политических потрясений. К 90-м гг. XIX века система государственно-административного и местного самоуправления в регионе Средней Волги и Заволжья представлялась определенно сложившейся. Земское и городское положения 1890 и 1892 гг., положение о губернском правлении 1900 г. не вносили принципиальных изменений в компетенции органов государственной власти и местного самоуправления и взаимоотношений между ними.

Администрацию губерний возглавляли губернаторы, по закону – хозяева (начальники) губерний. На них возлагался контроль над органами местного самоуправления, председательство в губернском по земским, городским, фабричным, воинским, питейным делам присутствиям – всего присутствий было более полутора десятков. Закон 1900 г. вернул губернаторам дореформенные обязанности верховного попечителя в обеспечения населения продовольствием, наблюдения за подчиненными, надзора за свободной и беспрепятственной торговлей съестными припасами, «устранения непомерного возвышения цен», «покровительства общепольным предприятиям», торговле и промышленности, а также разрешения открытий фабрик, заводов и других промышленных предприятий, руководства фабричным и горным надзором, поддержание порядка, имущественного благополучия рабочих.

На рубеже XIX–XX большинство губерний Средней Волги и Заволжья возглавляли пожилые, не хватающие звезд с неба чиновники. Вверенными им губерниями они управляли по-отечески, чем снискали любовь и уважение обывателей. С 30 января 1893 г. Симбирскую губернию возглавлял В.Н. Акинфов, человек, по общему мнению, простой, скромный и очень общительный, с которым легко было легко работать. Доставшаяся Акинфовой Симбирская губерния находилась в то время в застое. С ним ладили вице-губернаторы (С.Д. Ржевский и А.П. Наумов), губернские предводители

* © Леонов М.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

дворянства (князь И.М. Оболенский и В.Н. Поливанов); городские головы (А.Д. Сачков и П.С. Балакиршиков), епископы (Варсонофий и Никандр). Его заботами в Симбирске летом 1894 г. было основано общество велосипедистов и построен велодром, открыт дом трудолюбия; ремесленное училище для сирот им. Лебедев, сельскохозяйственная школа, бесплатная больница для неизлечимых больных, городской ломбард, костел. Он попечительствовал ученой архивной комиссией, раздел телефонизации, строительству железнодорожной ветки от станции Инза и вокзала. Когда в начале 1901 г. пошли разговоры о назначении В.Н. Акинфова на службу в другой город, симбирские дворяне, купцы, земцы и думцы обратились к нему с письмом: «Посягая на драгоценное здоровье Ваше, глубокоуважаемый Владимир Николаевич, мы решили прибегнуть к последней мере, и, обращаясь к доброму и гуманному сердцу Вашему, покорнейше и почтительнейше просить Ваше Превосходительство заставить это сердце еще раз забиться в унисон с нуждами городского населения». Губернатор был крайне растроган. 22 июля 1902 г. его назначили почетным опекуном Опекунского совета императрицы Марии в Москве. Проводы губернатора были пышными, дворяне и купцы с сожалением расстались с В.Н. Акинфовым и в 1903 г. присвоили ему звание «Почетный гражданин города Симбирска». С.Д. Ржевский, сменивший на посту губернатора В.Н. Акинфова, по общему мнению, был «добрый малый», неглупый, с ленцой; любил выпить и слегка покурлесить, покушать и сыграть «по маленькой».

Также тепло провожали 20 марта 1906 г. Оренбургского губернатора Я.Ф. Барабаша. «Это был человек с чуткой, реагирующей на всё живой душой, – живописала «Оренбургская газета». – Надо было видеть те, полные искренности, проводы, которые ему устраивали при его отъезде оренбуржцы, чтобы сказать: да, это был человек, любимый всеми, кто с ним соприкасался»¹. А.В. Адлерберг, в бытность его губернаторства (1898 г. – 1903 гг.) в Пензе, снискал признательность пензенского общества своим отеческим попечением и тем, что при его участии были построены здания Народного театра и Первой женской гимназии, открыт памятник А.В. Суворову, создана Пензенская учёная архивная комиссия, состоялись торжества, посвященные 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

13 лет по-отечески губернаторствовал в Самаре А.С. Брянчанинов (да еще три года состоял вице-губернатором): покровительствовал либералам, не обижал революционеров, ладил с консерваторами. «Самарские губернские ведомости» отмечали: «С давних пор, по инициативе Александра Семеновича Брянчанинова и его супруги, Софьи Борисовны, в Самаре установился обычай взаимных поздравлений в день нового года в зале коммерческого собрания взамен праздничных визитов». Обыватели платили губернатору взаимностью. А.С. Брянчанинов говорил, что «всегда и во всем встречал сочувствие и благожелательное отношение к его начинаниям со стороны сословных и общественных учреждений и других ведомств, а также добросовестное и разумное содействие со стороны ближайших сотрудников»². Городская дума на заседании 15-16 декабря 1904 г. единогласно избрала

Александра Семеновича почетным гражданином города Самары. Депутация именитых и почетных граждан и купцов первой гильдии во главе с П.С. Аржановым и А.Г. Курлиным утром 1 января 1905 г. просила получившего отставку губернатора разрешить учредить стипендию его имени в учебных заведениях города и посетить торжественный обед. На эти цели было собрано более пяти тысяч рублей. От обеда Брянчанинов отказался, а стипендии были учреждены. 22 января 1905 г. он покидал город. «Вокзал был переполнен народом, – сообщал самарский официоз, – и проводы имели самый сердечный характер».

Брянчанинова сменил Д.И. Засядко. Протеже В.П. Мещерского, человек образованный и рассудительный, но нерешительный, он предпочитал, как и его предшественник, патриархально управлять вверенной ему губернией. 1 февраля 1906 г. либеральный «Голос Самары» поместил фельетон «Тайны г. Присядки», лишь чуть изменив фамилию только что смещенного губернатора: «Когда же ему доносили, что в губернии погромы, мужики жгут усадьбы, грабят хлеб, режут скотину, Присядко, добродушно похлопывал себя по круглому животу, отвечая: «Ничего, это далеко отсюда, до нас не дойдет... ничего, пошумят, да когда-нибудь и успокоятся. Пусть себе грабят и режут, кого хотят, – но по моему личному приказанию не прольется ни капли крови, ни одного горчишника»³. Нужно признать, что в бульварном гротеске переданы некоторые реальные черты. Засядко регулярно обращался с отеческими увещеваниями к самарцам, призывая их к согласию и миру, уговаривал предпринимателей пойти на уступки. В июле 1905 г., когда в городе носились слухи о возможном еврейском погроме, он обратился с воззванием к горожанам, призывая их отказаться от насилия, евреев же просил воздержаться от появления в местах массовых собраний, в частности, в Струковском саду. В октябре 1905 г., во избежание несчастных случаев, предостерегал родителей, чтобы они не выпускали детей из дома без присмотра⁴.

В дни октябрьской стачки 1905 г. Д.И. Засядко растерялся. 14 октября он направил к митингующим на луговой стороне Самарки заведующего сыскной частью полковника И.Л. Короткевича с предложением выбрать делегацию для переговоров с губернатором. Митингующие оскорбляли полковника, пытались наклеить на него прокламации, но, в конце концов, согласились с ним, избрали трех депутатов, которые потребовали освобождения политических заключенных, гарантий свободы слова, собраний, неприкосновенности личности и жилища, а также беспрепятственных похорон тех демонстрантов, кто, возможно, скончается от ран, полученных при перестрелке с казаками 13 октября. Губернатор обещал сделать все, что в его силах, наказать виновных, убрать казаков с улиц. Депутации от «самарского общества» он обещал впредь воздерживаться от применения силы. Губернатор призвал жителей «во избежание трагедии» не выпускать на улицу детей, обещал не выводить наряды казаков на улицы и наказать виновных в трагических событиях 13 октября. Депутацию от «самарского об-

щества» он уверял, что местные власти впредь будут воздерживаться от применения силы.

Д.И. Засядко сменил губернатор И.Л. Блок, волевой, целеустремленный, опытный чиновник, сторонник решительных действий. Он сразу обратился к министру внутренних дел П.А. Столыпину с просьбой вывести из Самары «пораженные мятежническим духом» Бузулукский полк и Борисовский батальон, «расформировать или освежить войска частями незапятнанной репутации»⁵, содействовал подавлению волнений, многочисленным арестам, чем вызвал крайнее недовольство революционеров. 21 июля 1906 г. на углу улиц Воскресенской и Вознесенской И.Л. Блок был убит бомбой, брошенной членом летучего отряда Поволжской области рабочим-столяром Г.Н. Фроловым⁶. Вновь назначенный губернатор В.В. Якунин наставлял саратцев «бояться бога и чтить царя»⁷.

В Саратове 10 лет, с 1891 по 1901 гг., губернаторствовал Б.Б. Мещерский и, как пишет биограф, «превратил его в полигон по испытанию всего нового, модного и передового». Губернатор опекал геологоразведочные работы, его страньями были открыты рисовальное училище, фельдшерская школа, курсы фотографов-любителей, школа дорожного строительства, школа-приют для слепых детей, соединенное механическое и химико-техническое, а также коммерческое училища, женские курсы. Саратовские консерваторы жаловались на Б.Б. Мещерского царю, либеральное общество его обожало и присвоило ему звание почётного гражданина города. Сменивший Б.Б. Мещерского известный исследователь русского Севера А.П. Энгельгардт, несмотря на болезни и преклонный возраст, был деятелен: написал две брошюры об экономическом положении Поволжья (а доход от их реализации пожертвовал саратовскому земству для создания фонда по выпуску сельскохозяйственной литературы), содействовал строительству железной дороги до Астрахани, постройке здания женской гимназии. 15 февраля 1903 г. Саратовским губернатором назначили выдающегося политического деятеля России П.А. Столыпина. Петр Аркадьевич сотрудничал с органами местного самоуправления, ругулярно присутствовал на заседаниях земства, при нем началась модернизация городского водопровода, заложено новое здание Мариининской женской гимназии. Особенно велика роль П.А. Столыпина в открытии Саратовского университета. Благодарное общество почтило П.А. Столыпина званием почетного гражданина, заказало И.Е. Репину портрет губернатора, который поместила в городской думе; саратовская ученая архивная комиссия основала мемориальный музей П.А. Столыпина⁸. Одновременно П.А. Столыпин принимал жесткие меры по подавлению крестьянских волнений, антиправительственных выступлений общества. В частности в мае 1906 г. он приказал закрыть радикально настроенное Санитарное общество. В Саратове, в целом, окончательно сложились взгляды П.А. Столыпина на пути реформирования России, в особенности ее аграрного строя. В конце апреля 1906 г. П.А. Столыпина назначили министром внутренних дел. На посту Саратовского губернатора его сменил С.С. Татищев. Его губернаторство было омрачено

конфликтом с неистовым Илиодором иеромонахом и 24 января 1911 г. С.С. Татищев был отрешен от должности. Как писала одна из саратовских газет, он «склонил выю перед всемогущим владыкой и, по образному выражению илиодора, отправился в свое самарское имение «доить коров»⁹.

События Смуты начала XX века знаменовались эксплицитным противостоянием власти с одной стороны, части земств, городских дум, дворянства, купечества, остальных страт – с другой. Однако по-прежнему администраторы Средней Волги и Заволжья, в их числе и П.А. Столыпин, предпочитали действовать патриархально – патерналистски¹⁰. Эта тенденция была доминантной также в период «столыпинской России» и в первые годы мировой войны¹¹.

Особое место в системе административного управления занимали органы политического сыска – губернские жандармские управления (ГЖУ) и их подразделения Охранные отделения (ОО) или (рангом пониже) розыскные пункты. Губернии региона значились среди спокойных. Сюда ссылали поднадзорных, а местная администрация привечала их. Среди служащих земств **региона** они составляли едва ли не треть. В их числе были видные либералы, социал-демократы, эсеры и другие радикалы¹². По ведомству министерства внутренних дел губернские жандармские управления Средней Волги и Заволжья относились к третьей, низшей категории. Количество сотрудников в них колебалось в пределах от двадцати до пятидесяти человек. В Симбирском ГЖУ работали тридцать семь человек: четыре офицера (начальник управления, два его помощника в уездах и адъютант), три вахмистра, двадцать восемь унтер-офицеров и два писаря. Саратовское Охранное отделение в 1906-1907 гг. состояло из начальника, письмоводителя, двадцати двух филеров и трех околоточных надзирателя; пензенский розыскной пункт – из начальника и одиннадцати филеров, одному из которых «на ведение письменных работ» добавлялось к окладу 180 руб. в год. На все расходы Саратовскому Охранному отделению выделялось 23870 руб., Пензенскому розыскному пункту – 15540 руб. в год¹³.

На рубеже XIX-XX вв. ГЖУ региона возглавляли солидные предпенсионного возраста полковники и генерал-майоры. Обязанности свои они выполняли неудовлетворительно. По заключению министерства внутренних дел они Симбирской, Самарской, Пензенской губерний «редко знали, что делается в губернии», а представляемые ими сведения «не заключали в себе сколько-нибудь определенных данных»¹⁴. Губернское жандармское управление в 1905 – начале 1906 гг. возглавлял полковник Г.С. Добрянский, которого сменил генерал-майор И.И. Каратаев. Оба в первую очередь думали о пенсии, обязанности свои выполняли плохо, авторитетом у подчиненных не пользовались. По свидетельству министерства внутренних дел «Самарское жандармское управление редко знало, что делается в губернии»¹⁵. Каратаев был уволен при скандальных обстоятельствах. Когда ему доложили, что в жандармское управление брошена бомба, он немедленно поместил в газете объявление, что в связи с оставлением должности генерал-майором Каратаевым, продается корова¹⁶. Злополучное объявление произвело в

Петербурге фурор. Директор департамента полиции М.И. Трусевич срочной телеграммой просил И.Ф. Кошко «успокоить» стража порядка Самары. Через две недели И.И. Каратаева уволили¹⁷. Жандармское управление возглавил инициативный, энергичный, знающий энтузиаст сыска подполковник М.П. Бобров. Он укрепил агентурную сеть. Секретных агентов внедрили во все революционные организации. Деятельность М.П. Боброва так нервировала революционеров, что они, в конце концов, убили его.

Поскольку Самарская губерния значилась среди самых спокойных, то, по ведомству департамента полиции, она причислялась ко второй, низшей, категории с минимальным числом сотрудников. В 1903 г. в губернском жандармском управлении было выделено охранное отделение, в функции которого входило наблюдение и пресечение деятельности противоправительственных организаций. Возглавил охранное отделение начальник жандармского управления. По мнению администрации, вследствие того, что в Самаре не было адресного стола и подворной регистрации, в нее стекались революционеры. Жандармское начальство печалилось также скудностью средств, опускаемых на агентуру (всего 25 рублей в год – их хватало на содержание только двух секретных сотрудников)¹⁸. В январе 1907 г. М.П. Боброву поручили немедленно приступить к организации Поволжского районного охранного отделения, в составе 11 губерний. В связи с этим были значительно увеличены ассигнования и штат Самарского губернского жандармского управления¹⁹. В 1908 г. Поволжское охранное отделение перевели в Саратов. Общую полицию Самары возглавлял полицмейстер. В его подчинении были четыре частных пристава (по числу частей города), десять помощников частных приставов – участковых надзирателей, двадцать восемь околоточных надзирателей и 265 пеших и конных городских²⁰.

Не выказывал служебного рвения, назначенный в 1903 г. на пост начальника Симбирского ГЖУ, полковник Н.Н. Ловягин, о котором директор Департамента полиции писал: «Полковник Ловягин, состоя на службе 49 лет, совершенно не соответствует своему назначению и не в состоянии управлять жандармским делом в губернии. В феврале 1907 г. озабоченного будущей пенсией полковника перевели в еще более спокойную, чем Симбирская, Уфимскую губернию. Но и там дела полковника складывались точно так же, как и ранее. Начальник корпуса жандармов Д.К. Гершельман не выдержал и в ноябре 1907 г. обратился к Н.Н. Ловягину: «Ввиду нареканий Департамента полиции на Вашу бездеятельность и, основываясь на том, что Вы уже полностью выслужили пенсию, ... не признаете ли Вы своевременным продать заявление об отставке» Полковник выжидал повышения в чинах. И только получив в январе 1908 г. желанный чин генерал-майора, подал в отставку. Назначенный на место Н.Н. Ловягина полковник М.И. Дкбельт ни служебным рвением, ни служебными качествами от предшественника настолько не отличался, что его срочно заменили полковником С.П. Подбельским²¹.

В Саратовском ГЖУ с 1894 по 1901 гг. начальствовал полковник И.А. Иванов, а 1902 г. по 1907 г. полковник Д.С. Померанцев. Оба были служаками

старой школы. Полковник князь А.П. Микеладзе, возглевивший ГЖУ в мае 1907 г., предпочитал балы, обеды с вином, театр, а к политическому розыску был «холоден». В Саратове, впрочем, он не задержался. В октябре 1907 г. его сменил знающий свое дело полковник В.К. Семигановский²². Знаючи и энергичны были молодые руководители созданного в 1902 г. Саратовского Охранного отделения ротмистры М.П. Бобров, Н.К. Федоров и А.П. Мартынов. Деятельность политического сыска губерний Среднего Поволжья и Заволжья стала заметно более продуктивной с организацией в январе 1907 г. Повожского районного охранного отделения, в оперативную сферу которого вошли Самарская, Пермская, Вятская, Казанская, Симбирская, Уфимская, Саратовская, Оренбургская, Астраханская, Пензенская губернии и Уральская область. Возглавил его М.П. Бобров.

Положения 1890 и 1892 гг. создали возможности большего контроля администрации над органами местного самоуправления, земствами и городскими думами. По положению 1890 г. в земских собраниях увеличивалась доля гласных дворян, посредством чего предполагали обеспечить более благоприятные условия сотрудничества земств и администрации. Земства продуктивно занимались агрономией, ветеринарией, медициной, образованием и другими чрезвычайно важными хозяйственными вопросами. Они являлись важнейшим центром консолидации консервативных и оппозиционных настроений. Консерваторы саратовского и самарского земств инициировали создание «Объединенного дворянства»²³. Либеральное большинство земств иногда конфронтировало с администрацией, главным образом по политическим вопросам. В пределах своей компетенции земства, как правило, действовали согласованно с администрацией. В повседневную хозяйственную деятельность земств администрация не вмешивалась. Редкие разногласия администрации и земств улаживались в губернских присутствиях.

Городские думы Средней Волги и Заволжья до 1904 г. сосредотачивались на хозяйственных проблемах и старались отмежеваться от политических манифестаций. Они досадовали на административную опеку, считая, что она «парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам». В наведении порядка городские Думы поддерживали власти. События Смуты начала XX века, особенно потрясения 1905-1907 гг. решительным образом сказались на действиях органов администрации и местного самоуправления региона Средней Волги и Заволжья. Осенью 1905 г. налицо были симптомы паралича власти. Бездействовала и жандармерия. Как грибы росли всевозможные комитеты, советы. 14 октября 1905 г. 16 земцев-либералов и членов городской думы для охраны порядка и установления связей с властями основали Комитет общественной безопасности (КОБ). 19 октября 1905 г. было избрано временное правление КОБ. В него вошли купцы и промышленники, приказчики и юристы, журналисты и чиновники, октябристы, кадеты, эсеры, социал-демократы, представители стачечных комитетов и различных союзов. Объединив сторонников умеренных реформ и крайних радикалов, представителей различных страт и политических орга-

низаций, КОБ стал противовесом легитимного режима и влиятельным властным органом, имел большой вес в городских делах. Избранное 19 октября временное правление его возглавили Н.Д. Батюшков, Н.А. Гладыш, А.И. Матов²⁴, Д.И. Засядко регулярно согласовывал свои действия с Комитетом общественного спасения (КОБ) и другими представительными общественными организациями²⁵.

Вице-губернатор В.Г. Кондоиди, человек решительный, убеждал самарцев, что волнения начались «может быть» происками японцев, и уж точно служат их интересам. Он угрожал репрессиями вплоть до применения военной силы, призывал «избегать появления на улицах толпами» и расходиться по первому требованию полиции²⁶. Кондоиди был обречен на конфликт с «самарским обществом», с губернатором, и в конце 1905 г. расстался со своим постом. Вслед за ним получил отставку и Д.И. Засядко.

Городские думы Средней Волги и Заволжья до начала Смуты XX века были политически индефферентны и воздерживались от политических манифестаций. Здравый смысл побуждал их оберегать функциональность городского хозяйства. Много времени и средств отнимали заботы об устройстве госпиталей, материальной помощи солдатам и офицерам русско-японской войны и их семьями²⁷. Нужно было содержать в порядке городское хозяйство в дни, когда политическая лихорадка охватывала обывателей. Ближе к революции 1905-1907 гг. они изредка демонстрировали свое противостояние местной администрации. Да и в 1905-1907 гг. они, главным образом занимались такими повседневными проблемами, как аренда городской земли, плата за пристани, санитария, торговля и выпасы, наймы помещений, городская стража, ассенизация, водопровод.

С обострением Смуты политические страсти раскалывают земства. Либералы Саратовского земства, возглавляемые с Н.Н. Львовым, К.Б. Веселовским, А.М. Масленниковым в 1904 г. начали поход против консерваторов одержали победу на выборах в управу. Радовались они недолго. Единства среди них не было. Радикальные либералы, «освобожденцы», А.М. Масленников, С.А. Котляревский выступали за коалицию с революционными партиями, конституцию, умеренные либералы были сторонниками реформ при сохранении монархии, консерваторы не видели будущего России без самодержавия, в их представлении «краеугольного камня государственного устройства». Был подготовлен проект резолюции, в котором говорилось о созыве «народного представительства» на основе всеобщих, прямых, равных и тайных выборов, но П.А. Столыпин запретил обсуждать ее на сессии земства.

В 1904 г. земства и городские думы стали ратовать за расширение автономии в хозяйственных вопросах. Власти вняли им. Указ 12 декабря 1904 г. обещал земцам и думцам «возможно широкое участие в заведовании разными сторонами местного самоуправления». В феврале 1905 г. земствам и городским думами разрешили направлять проекты реформ местного самоуправления в Совет министров. Земства и городские думы Юго-Востока Европейской России незамедлительно сформировали особые комиссии.

Весной и летом 1905 г. думцы энергично критиковали Городовое положение 1892 г., подчеркивая, что ранее Городские думы пользовались относительной свободой в хозяйственной деятельности. Дальше всех пошли симбирцы. Они не ограничились резкой критикой Городовое положение 1892 г., но и предъявили претензии к местной администрации в связи с вмешательством в чисто хозяйственные дела и, запрещением, хотя бы косвенно, затрагивать политические вопросы. В апреле 1905 г. они разработали проект нового Городового положения. В нем, между прочим, речь шла о необходимости реформирования центральной власти, по их мнению «всцело захваченную чиновной бюрократией», дать свободу слова, союзов, прямое и всеобщее избирательное право, упразднить сословия, передать местные дела всецело и без исключения в ведение городского и местного самоуправления.

Городские думы Среднего Поволжья и Заволжья связывали беспорядки в стране и городах с недостаточной дееспособностью властей и жаждали избавиться от чрезмерной опеки. Уже 28 февраля 1905 г. Самарская городская управа одобрила доклад бюджетной комиссии, в котором речь шла о неблагоприятных условиях деятельности городских органов самоуправления, «стесняемых административной опекой». «Дума, – говорилось в докладе, – находится в состоянии несовершеннолетнего в вопросах распоряжения даже своими средствами, благодаря тому, что административная опека парализует всякую инициативу по хозяйственным вопросам», Городская управа просила «совершенно» освободить городское общественное управление от этой опеки, подчинить ему городскую полицию²⁸.

Политизация дум встревожили власти. Министерства внутренних дел циркуляром 12 апреля 1905 г. напомнило думцам, что предлагаемые ими проекты не должны содержать «незаконных и антиправительственных высказываний» и что по закону они не имеют право превращать заседания в публичные собрания. Думцы на это отвечали, что Городовое положение оставляет за ними право решать, приглашать посторонних или нет, а симбирцы, к тому же, демонстративно постановили во время заседаний держать двери открытыми²⁹.

6 августа были опубликованы проекты закона об учреждении Государственной думы (в просторечии «Булыгинской Думы») и «Положение о выборах в Государственную Думу». Компетенция Думы ограничивалась предварительной разработкой и обсуждением законодательных предположений и рассмотрением росписей государственных доходов и расходов. Прерогатива издания законов оставалась за царем. По крестьянской, землевладельческой и городской куриям устанавливались многоступенчатые выборы. Рабочие и часть городской «нецензовой» интеллигенции право голоса не получали. Умеренные либералы Самары с воодушевлением восприняли указы о «Булыгинской Думе» и в конце августа 1905 г. образовали «Конституционную лигу», в программном заявлении которого говорилось, что «Лига» выступает за всеобщее, равное, тайное избирательное право, за полновластную законодательную Думу.

Большинство земцев-либералов указами о булыгинской Думе не были удовлетворены. 6-7 августа в Самаре проходил первый областной земский съезд. Поскольку власти запрещали подобные собрания, для проведения съезда была нанята небольшая крытая прогулочная баржа, которую возил пароходик. На этой барже, крейсеровавшей по Волге, собиралось почти 40 либералов, представители Самарского, Саратовского, Симбирского, Уфимского земств. После бурных прений большинство высказалось за бойкот «Булыгинской Думы». Предложения о «земской забастовке» и призыве к неплатежу налогов большинство съезда отклонило. Зато его участники решили обратиться к народу с воззванием не давать рекрутов³⁰. Поскольку земства имели собственную многоканальную систему связей с крестьянством, средними слоями города, решения съезда в краткий срок дошли до самых отдаленных деревень и стали одним из весомых факторов антиправительственной агитации. Городские думы приветствовали «Булыгинскую думу» как «первый почин в деле призыва общественных сил служению Родине» и высказывали пожелания существенно увеличить представительство в ней депутатов по городской курии³¹.

В октябре 1905 г. страсти накалились. Городской голова Самары 12 октября призвал гласных добиваться созыва Учредительного Собрания и на этом закрыл заседание. Неожиданную прыть проявили ставропольские думцы. Они, обычно аполитичные и законопослушные, в ноябре 1905 г. высказались за участие в выборах в городскую думу всех жителей Саврополя и направили соответствующее ходатайство на имя министра внутренних дел, который отвечал, что «данный вопрос будет рассмотрен». Инициатива ставропольских думцев получила всероссийский резонанс³². Симбирское земство после опубликования Манифеста 17 октября обратилось к императору с телеграммой, в которой приветствовали провозглашенные Манифестом демократические начинания, и добавляли, что необходимо расширить самостоятельность земских учреждений, предоставить право участия в местных органах самоуправления представителям всех социальных слоев общества. Во время работы Государственной Думы гласные земств региона активно обсуждали законопроекты, касающиеся местного самоуправления: о мелкой земской единице, о соотношении функций местных учреждений в уезде, о земском избирательном законе.

Болезненно реагировали земцы Среднего Поволжья и Заволжья на крестьянские волнения. Одни считали их следствием бездействия властей, другие призывали навести порядок силой, но все говорили о необходимости немедленно начать аграрных преобразований. Осенью 1905 г. все земства практически единогласно приняли решение, чтобы не усугублять «озлобление» крестьян, не взыскивать с них недоимки по земским сборам. С зимы 1905 г. земцы постепенно, но неуклонно отходят от радикального либерального фразерства и сосредотачиваются на хозяйственной повседневности. На сессии Саратовского земства, проходившей в разгар крестьянских волнений Д.А. Олсуфьев, В.Н. Ознобишин и другие, поддержанные П.А. Столыпиным, обвинили либеральных гласных и «третий элемент» земства в

потворстве «грабительским устремлениям крестьян». Большинство согласилось с ними. На выборах 1906–1907 гг. в земства проходили октябристы и консерваторы.

В разгар политического противостояния, думцы Среднего Поволжья и Заволжья не уклонялись от решения насущных хозяйственных проблем. Самарская городская дума на заседании 26 октября 1905 г. обсуждала такие вопросы, как аренда торговых мест, оплата труда землекопов, неправильная эксплуатация городской земли, сданной купцу Федорову под фабрично-заводские заведения³³. На следующем заседании самарские думцы рассмотрели 22 вопроса, главным образом, об аренде городской земли, о расходах и т.п.³⁴. В повестках дня других городских дум значились подобные, а часто точно такие же вопросы. Пензенские думцы с 1904 г. размышляли о цене и условиях освещения улиц города. Наконец, 14 декабря 1905 г. они разрешили городской управе подписать договор с владельцами частной электростанции Ф.И. Титовым и Я.М. Мильманом об устройстве электрического освещения, вначале на главной, а затем и на соседних улицах города. К 1910 году в Пензе насчитывалось 6 электрических, 51 керосинокалильный, 868 обыкновенных керосиновых фонарей. Об электрическом освещении улиц и домов в Симбирске задумались в 1890-х годах, но дело долго тормозилось отсутствием денег и сдвинулось с мертвой точки лишь в начале XX века. На заседании городской думы 18 января 1905 года выслушали доклад городского головы М. Волкова «о рассмотрении проектов устройства электрического освещения в связи с элеватором к Волге» и постановили доклад принять к сведению, отпечатать разослать гласным. Однако и после этого дело шло ни шатко, ни валко. И только в 1910 г. дума засучила рукава, разместила облигационный займ, утвердила проекты, 27 января 1911 г. поручила главному архитектору города Ф.Е. Вольсову создать проект здания электростанции, закупить оборудование фирм «Эдиксон» и «Сименс и Гельске». 1 января 1913 года электростанция была введена в эксплуатацию. На освящение прехала масса почетных гостей, играл оркестр, пили шампанское, произносили речи. Губернатор А.С. Ключарёв «одобрил желание городской думы и управы превратить Симбирск из города грязи и пыли в культурный уголок». На другой день газета «Симбирянин» высоким штилем описала событие, закончив словами: «Заёмные миллионы нашли хороших финансовых исполнителей»³⁵. Два трехцилиндровых агрегата «Дизель» обладали мощностью в 230 лошадиных сил каждая. Электроэнергии от них хватало на, примерно, четыре тысячи лампочек 330 абонентов и 75 уличных фонарей. Обывателям киловатт-час обходился по 25 копеек. Столько же платили промышленники в часы максимальной загрузки станции, а в дневное и позднее время – по 12,5 копеек за киловатт-час. В первое время свет давали с четырех дня до четырех ночи. По настоянию городского головы Л.И. Афанасьева, свет стали давать до семи часов утра. Самарская дума в августе 1905 г. разрешила финансировать установку 32 фонарей системы Галкина для освещения Воскресенской, Саратовской, Нико-

лаевской, Соборной, Троицкой и Самарской улиц. За установку каждого фонаря М.М. Чубаков запросил с нее по 160 рублей³⁶.

Большое внимание уделялось водопроводу. В январе 1905 г. Самарская дума утвердила смету расходов на изготовление новых купонных листов к облигациям городского водопроводного займа в размере 400 тыс. руб.³⁷. Она, и все другие городские думы региона, постоянно возвращалась к сюжету «о злоупотреблении по расходованию бесплатно отпускаемой городским водопроводом воды», и, в конце концов, пришли к выводу о желательности установления водомеров в помещениях и взаведениях с двигателями, и взимания платы (от 30 руб. до 60 руб.) с булочных, аптек и других заведений³⁸.

Особое внимание власти и местное самоуправление уделяли профилактике пьянства. Энергично «трезвенную кампанию» вела Самарская дума. О пьянстве в городе говорили задолго до 1905 г. и долго после 1905 г. Вот выдержка из заявления гласных городской думы Сенаторова, Челышева, Шишкина и Савельева: «Каждому из нас известно, что в праздники мимо тех домов, где помещаются трактирные заведения, портерные лавки, особенно мимо последних, положительно нет прохода, не только женскому полу, но и мужскому. У каждого из этих заведений на тротуарах, на далекое расстояние, прогуливаются пьяные толпы рабочих всякого цеха, хулиганов и горчишников, а около винных лавок по обе стороны их помещений и на противоположной стороне, тоже на тротуарах и в подъездах домов, распивается водка из посуды через горлышко прямо на улице: тут пьют старики, юноши и женщины, не стесняясь проходящих граждан. Напиваясь на улице, некоторые тут же сваливаются в бесчувственном состоянии и валяются в самом безобразном виде, а те, которые еще не свалились, по адресу проходящих, в особенности же по адресу женского пола, посылают самые отвратительные площадные выражения». Далее живописались драки, и предлагалось просить господина «министра внутренних дел» издать правило о закрытии всех заведений, торгующих крепкими напитками, и винных лавок в церковные и другие праздники, в день освобождения крестьян от крепостной зависимости 19 февраля, в дни рождения и тезоименитств императора, императрицы и наследника³⁹.

В последующие годы антиалкогольная эпопея развивалась крещендо. Запрещение торговли вином в праздничные дни вызвало недовольство трактирщиков. Они весьма поэтично оформили свое ходатайство. Приведем из него небольшую выдержку: «Простолюдин, т.е. крестьянин и рабочий, во время выпивки склонен к общению, к приятным разговорам, к беседе со знакомыми и даже незнакомыми. Все это он может получить в трактире, где есть обстановка, столы, стулья, закуска, столь нужная при выпивке, и ничего такого нет в казенных винных лавках, где говорят, что «получай водку, плати деньги и уходи». От поэзии они переходили к суровой прозе: «Мы вносили трактирный сбор в сумме 32000 руб. ежегодно»⁴⁰. В Думе интересы виноторговцев лоббировал Е.Т. Кожевников, напиравший на несправедливость, даже ущербность решений Думы, поскольку торгов-

ля крепкими напитками в праздничные дни запрещена только в трактирах, но не в буфетах железнодорожной станции, клубов и собраний, отчего трактирщики несут большие убытки. Его поддерживал Е.И. Чернышев: «Такое воспрещение вело к чрезвычайному развитию всюду бесплатной торговли вином». Дума оставалась непреклонной. Более того, по инициативе А.И. Михайлова она приняла решение добиваться запрещения продажи в праздничные дни крепких напитков и ходатайствовать перед губернатором о запрещении «всякого рода музыки и хорового пения» во всех заведениях, «торгующих таким зельем, поскольку все это ведет к разврату и спаиванию обывателя»⁴¹.

Беспорядки в стране и городе втягивали городские думы в политический водоворот. На собрании Самарской городской думы 12 октября 1905 г. страстную речь произнес А.Н. Хардин. «В виду совершающихся событий, таких, как забастовка Самаро-Златоустовской и других железных дорог, – заявил он, – Думе следует рассмотрение вопросов, включенных в программу настоящего заседания, отложить до более благоприятного времени», а сейчас подготовить и послать телеграмму на имя царя о необходимости созыва Учредительного собрания. Большинство гласных онемело, или, словами радикального корреспондента «Самарской газеты», «затряслась от ужаса». Председательствующий немедленно объявил перерыв и пригласил всех на частное совещание. По его окончании заседания думы отложили»⁴².

Хаос в дни октябрьской забастовки внес смятение в души гласных городской Думы. Истинным облегчением для них был Манифест 17 октября, встреченный ими с воодушевлением⁴³. Однако, до желанного покоя было далеко, на ноябрьском заседании 1905 г. А.М. Михайлов и П.П. Подбельский внесли ходатайство о созыве Учредительного Собрания «с целью успокоения брожения умов». За предложение голосовало 11 человек, против – 34. Дума постановила послать председателю Совета министров С.Ю.Витте телеграмму с просьбой о скорейшей реализации Манифеста 17 октября «находя его единственным средством успокоения брожения умов»⁴⁴. И в дальнейшем городская Дума стремилась сохранить порядок и поддерживала губернскую администрацию. Примечательны в этом отношении дебаты на чрезвычайном заседании Думы 6-7 марта 1906 г. при обсуждении дополнительной оплаты казакам, солдатам, полицейским. Гласный Кожевников «вообще» протестовал против увеличения затрат на охрану города. В ответ А.А. Шешлов заявил, что «в настоящее время, когда в Самаре стало спокойно, благодаря казакам и войскам» Кожевников может с легкой душой протестовать против увеличения суммы на охрану. «Но, не дай Бог, – продолжал он, – снова повторятся смутные октябрьские дни, и городу без охраны не обойтись»⁴⁵.

Во второй половине 1906 г. в губерниях Средней Волги и Заволжья был введен военно-полевой суд, и тогда же они были объявлены на положении усиленной охраны. Теперь жизнь городов и сел регулировалась обязательными постановлениями губернаторов. Запрещалось оглашение или публичное распространение любых статей и сообщений, возбуждающих враж-

дебное отношение к правительству, распространение произведений печати, подвергнутых аресту, публичное восхваление преступных деяний, оглашение и публичное распространение ложных слухов о деятельности правительственных органов, должностных лиц, воинских частей, возбуждающих враждебное к ним отношение населения. Нарушителям грозил арест сроком до трех месяцев или штраф до 500 руб. Обязательными постановлениями запрещались стачки, а также насильственные действия, в том числе и на почве аграрных отношений, подстрекательства к забастовкам, самовольному захвату чужой земельной собственности, снятия под угрозой или силою рабочих с полевых работ⁴⁶.

Большинство обязательных постановлений были связаны с благоустройством, ограждением обывателя от хулиганов, организацией выборов в Государственную Думу. В Самаре обязательным постановлением определялись меры по наведению порядка в Струковском саду, который во время гуляний, особенно в праздничные дни, становился «ареною всевозможных беспорядков и диких выходов местных хулиганов». Губернатор был серьезно обеспокоен тем, что горожанам, пришедшим в сад, приходится слышать и созерцать «неистовый крик, свист, циничные шутки, сопровождаемые площадной бранью, ссоры и драки». Обязательными постановлениями определялись правила продажи газет, журналов и прочих произведений печати в Самаре, устройство тротуаров, обеспечение времени работы и нормального отдыха служащих торговых и торгово-промышленных заведений⁴⁷. В 1907 г. в Самаре, Симбирске и других городах были учреждены адресные столы, что затруднило жизнь революционеров и люмпенов, склонных к девиантному поведению.

Городские думы отмежевывались от либеральных влечений, сосредотачивались на повседневных проблемах, поддерживали местную администрацию в наведении порядка. На другой день после убийства И.Л.Блока на экстренном заседании Самарской думы гласные почтили его память, а через год учредили стипендию его имени, отметив, что: «И.Л.Блок за время управления нашей губернией успел снискать себе симпатиями граждан, как губернатор и как человек»⁴⁸. Конфликты порождались, как стремлением властей к патриархальной опеке, так и желанием Дум явочным порядком расширить пределы своей компетенции, уменьшить расходы городской казны за счет государства. Можно только удивляться тому упорству, с каким, тихой сапой, гласные пытались добиться своего. Пример того затянувшийся на годы спор о ночных караульщиках г. Самары. В начале 1905 г. Дума приняла решение об изъятии ночных караульщиков из ведения полиции и передаче их в распоряжение городской управы. Губернатор в ответ «дал знать», что «надзор за ночной охраной уже был в ведении городской управы и дал очень плачевные результаты» и «следовательно, переход к неудавшемуся уже на практике порядку представляется совершенно не в интересах дела и городского населения и поэтому не может быть им допущен впредь до пересмотра правил 1899 года»⁴⁹. Несмотря на всю резонность аргументации губернатора, Дума стояла на своем.

В ноябре 1906 г. к злополучной теме вернулись в очередной раз. К тому времени в городе было 144 ночных сторожа (по числу пересечений улиц), на содержание которых город выделял 25920 руб. Пользы от них, по мнению Управы, было мало, поскольку «обязанность караульных занимают преимущественно старики – силам и энергии которых более доступно охранять город от воробьев, но не городские улицы от воров, всяких нарушителей уличной тишины и порядка». Гласные решили организовать конную охрану из 80 демобилизованных военных, с оплатой – 360 руб. в год каждому и обратиться с ходатайством к министру внутренних дел о снабжении их винтовками за счет казны⁵⁰. Думское красноречие было шито белыми нитками. Гласные хотели одним выстрелом убить двух зайцев: подчинить стражу городу и сократить расходы на нее за счет казны. Губернатор энергично настаивал на подчинение караульщиков, пеших ли, конных ли, полицмейстеру. Городская управа в 1907 г. сманеврировала: согласилась с подчинением караульщиков полицмейстеру, но с условием, если Дума будет недовольна конной стражей, «то она оставляет за собою право во всякое время охрану эту по своему усмотрению заменить пешими ночными караульщиками». Состоялась оживленная дискуссия. Многие гласные горячо говорили, что конная стража ничего хорошего не дала, ни тогда, когда подчинялась полиции, ни когда подчинялась городу. К тому же, если раньше были, хотя и старые, и вооруженные дубинками караульщики, то «ныне никого нет». По убеждению гласных стража могла соответствовать своему назначению только под надзором городского самоуправления. Они заявляли: «... необходимо или совсем изъять ее из ведения полиции, или допустить город к совместному с полицией распоряжению ею». Большинство все же склонялось к тому, что надо подождать⁵¹. Так это дело и тянулось еще несколько лет.

Весьма нервно реагировали Думы на любые, по их мнению, неосновательные, попытки покуситься на городские финансы. В начале 1906 г. самарская полиция просила Городскую думу ассигновать соответствующую сумму на перевооружение. Гласный П.П. Подбельский высказался категорически против ассигнований, аргументируя это так: «Город и без того достаточно тратит на содержание казаков, солдат и той же полиции, хотя результатов от этого он не видит». А по поводу желания руководства полиции заменить устаревшие револьверы современными «браунингами», – ядовито заметил, «что назначение полиции не истреблять людей, а предупреждать насилия и преступления и охранять спокойствие обывателей», что, по его мнению, с успехом можно делать и старым оружием. С ним был солидарен и городской глава. Большинство, однако же, после перепалки, голосовало за то, чтобы взять для полиции оружие из артиллерийского склада, но бесплатно, с тем, чтобы впоследствии оплатить испорченное. По жалобе полицмейстера Губернатор, к которому полицмейстер обратился с жалобой, увещевал Думу, указывая, что все 225 шашек, которые имели полицейские, железные и зазубренные, револьверы устаревшие, «как шашки, так и револьверы к употреблению совершенно непригодны». Ссылаясь

на закон, он предложил думцам выделить соответствующие средства, но те стояли на своем⁵². Дело приобрело скандальный характер. Министр внутренних дел 24 марта 1906 г. телеграфировал губернатору: «Благоволите настоятельно потребовать от Самарской Думы исполнения обязанности по вооружению городских». После этого Думе пришлось отступить, но при этом она, вместо необходимых 5830 рублей, постановила выделить лишь 2054 рублей. Губернатор приостановил это решение. И только тогда Дума окончательно пошла на попятную⁵³.

Примерно так же обстояло дело с доплатой самарским городским. В 1906 г. Дума дважды отклоняла их ходатайства. В сентябре того же года губернатор сообщил гласным, что околоточные надзиратели подают заявление об увольнении, «ввиду полнейшей невозможности содержаться на скудное содержание, ими получаемое». Городская управа считала нужным увеличить жалование, но за счет государственной казны⁵⁴. Все-таки думцам, после долгих оттяжек, и на этот раз пришлось раскошелиться.

Беспокоили городскую администрацию самовольные захваты городской земли под жилые постройки, участвовавшие с 1905 г. На окраинах Самары в Солдатской слободке, Кавказе, Новом Оренбурге, Стрелке буквально за ночь вырастали избы без разрешения, без соблюдения правил строительного устава и норм санитарии. С большим трудом удавалось заставить захватчиков выплачивать за аренду городской земли, соблюдать правила застройки и городской санитарии. Так, 1 марта 1906 г. городская Дума поручила управе произвести выделение участков под жилые застройки за Панским переездом и Колесниковым оврагом и сдать их в аренду с торгов на 12 лет по цене 1,5 руб. в первом районе и по 1 руб. во втором. В сентябре 1907 г. Дума приняла решение об организации конной стражи для охраны городской земли от самовольных захватов. Губернатор это решение отклонил. К нему была направлена специальная депутация, которая сумела переубедить его. Захваты земли прекратились лишь в 1908 г., когда была создана конная стража⁵⁵.

1905-1907 гг. были исключительно насыщенными событиями, сложными для администрации и местного самоуправления губерний Среднего Поволжья и Заволжья. В политических катаклизмах они сумели сохранить органическое чувство безопасности, стремление к порядку. Кругозор местной администрации и органов местного самоуправления расширился, они отчасти преодолели свойственную им политическую беспечность. Вместе с тем, отщепенство от власти, свойственное интеллигентскому обществу, коснулось и местного самоуправления. Это был весьма чреватый последствием симптом.

Примечания

¹ Оренбургская газета. 1910, 20 октября.

² Самарские губернские ведомости. 1905, 8 января.

³ Голос Самары. 1906, 1 февраля.

- ⁴ Самарский курьер. 1906, 1 января.
- ⁵ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1905 г. Д.1877. Ч.45. Л.25.
- ⁶ Фролов Г. Террористический акт над самарским губернатором // Каторга и ссылка. 1924. №10. С.114-122.
- ⁷ Голос Самары. 1907, 12 января.
- ⁸ Соломонов В.А. Императорский Саратовский университет. История открытия и становления (1909-1917). Саратов, 1919. С.38.
- ⁹ Воронежцев А.В., Пиреев А.И. П.А. Губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906). Саратов, 2007. С.18-20; Очерки истории Саратовского Поволжья. 2. Ч.2. (1894-1917). Саратов, 1999. С.94-99.
- ¹⁰ Пиреев А.И. П.А. Столыпин – саратовский губернатор. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Саратов, 2000; Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906 гг.). Саратов, 2007; Поздалов Б.М. Саратовский губернатор П.А. Столыпин в зеркале документов (1903-1906 гг.) // Отечественные архивы. М., 2008, №6.
- ¹¹ См. напр. Леонов М.И. Власть и общество Самары в начале XX в. // Известия академии управления: теория, стратегия, инновация. Самара, 2011. №6 (7); его же. Власть и общество Самары накануне Первой мировой войны (губернский город в первые годы думской монархии) // Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия и управления. Самара, 2012.
- ¹² ЦГАСО. Ф.469. Оп. 1. Д.28. Л.11, 13.
- ¹³ Известия Пензенского государственного педагогического университета. Пенза, 2008. №10. С.63-64.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф.124. Оп.12. 1903 г. Д.1044. Л.97; 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С.542-543.
- ¹⁵ 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С.542-543.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп.1906 г. I отд. Д.3. Ч.18.Л.5.
- ¹⁷ Там же. Л.18.
- ¹⁸ ЦГАСО. Ф.468. Оп. 1. Д.598 Т. Л.3, ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1906 г. I отд. Д.322. Л.13.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1906 г. I отд. Д.725. Ч.95. Л.39; ЦГАСО. Ф.468. Оп.1. Д.1631.
- ²⁰ Адрес-календарь Самарской губернии на 1906 г. Самара, 1906. С.54-56.
- ²¹ Кузнецов В.Н. Pro et contra. Жандармы и революционеры Поволжья в 1906-1917 гг. Ульяновск, 2007. С.10-14.
- ²² Мартынов А.П. Моя служба в отдельном корпусе жандармов // Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. Т.1. М., 2004. С.198-224.
- ²³ Корелин А.П. Объединенное дворянство как политическая организация (1906-1917) / Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 1905. С.47; Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900-1917. М., 2003.
- ²⁴ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. Ч.1. С.611.
- ²⁵ Самарская газета. 1905, 25 октября.
- ²⁶ Самарская газета. 1905, 23 января.
- ²⁷ Исключительное четырехлетие. Краткий обзор деятельности самарского городского Общественного Управления в 1905-1907 гг. Самара, 1909; ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.170-172; Самарская газета. 1905, 10 января.
- ²⁸ Там же. Л.156-164.
- ²⁹ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX-XX вв. Самара, 2007. С. 86-88.
- ³⁰ Протопопов Д. Из недавнего прошлого // Русская мысль. 1907. №12. С.7.
- ³¹ Михайловский А.Г. Как лучше устроить городскую жизнь. М., 1906. С.123.
- ³² ЦГАСО. Ф.175. Оп.1. Д.803. Л.24, 16.
- ³³ ЦГАСО. Ф.172. Оп.1. Д.171. Л.172.

³⁴ Самарская городская дума. Журнал городской думы за 1905 год. Самара, 1905. С.819-833.

³⁵ Симбирянин. 1913, 2 января.

³⁶ ЦГАСО. Ф.172. Оп.1. Д.175.

³⁷ ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.172. Л.119-123.

³⁸ Там же. Л.119.

³⁹ Там же. Л.589-590.

⁴⁰ Там же. Л.315-318.

⁴¹ Там же. Л.24-25, 32-33, 245-246, 338-339.

⁴² Там же. Л.807; Самарская газета. 1905, 28 октября.

⁴³ Самарская городская дума. Журналы городской думы за 1905 г. С.811.

⁴⁴ Там же. С.864-865.

⁴⁵ ЦГАСО. Ф.170. Д.175. Л.71.

⁴⁶ Там же. 1907, 23, 25 июня.

⁴⁷ Там же. 1907, 21 июля, 24 августа, 5 сентября, 24 ноября.

⁴⁸ ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.175. Л.260; Д.178. Л.246.

⁴⁹ ЦГАСО. Ф.170. Оп.1. Д.172. Л.277-278, 456-457.

⁵⁰ Там же. Д.175. Л.260.

⁵¹ Там же. Д.178. Л.14-15.

⁵² Там же. Д.175. Л.73-74, 289.

⁵³ Там же. Д.175. Л.133, 172-173.

⁵⁴ Там же. Д.175. Л.310-314.

⁵⁵ Там же. Д.172. Л.7, 468; Исключительное четырехлетие. С.8-10.